

НЕБО И МУЗЫКА

наш современник

Сергей АЛЕКСАНДРОВ

МУЗЫКА, заполняет зал: звучит симфония «Друзьям-однопольчанам» — она посвящена летчикам. Тем, кто сейчас здесь. И другим, чьи могилы у дорог напоминают о прошлых боях. Сегодня эти люди ожили в музыке. В музыке своего друга. Вот он — отчаянно смелый летчик и талантливый композитор Леонид Афанасьев. Он сидит рядом, и я думаю о его жизни. Лишь прожив ее, он мог создать эту музыку.

...ЭСКАДРИЛЬЯ штурмовиков расположилась в деревне под Минском. Шло лето сорок четвертого.

Бомбежка началась ночью. Вой пикирующих бомбардировщиков сливался с грохотом взрывов. Когда Афанасьев выскочил на улицу, деревня опустела, лишь девочка лет десяти металась среди пожарища. Летчик кинулся к ней. Их разделяло несколько метров, и тут впереди стеной поднялось слепящее пламя. Его оглушило и швырнуло вверх. Потом навалилась темнота...

Он лежал на земле, ничего не ощущая, не видя, не слыша.

На рассвете его нашел Вася Чукреев, один из летчиков эскадрильи, и на руках отнес в санбат.

Госпитали следовали друг за другом: Орша, Смоленск, Калинин и, наконец, Сочи. Серельская осень сменялась влажной приморской зимой. Но все это было почти за пределами сознания.

Потом врачи сказали: жить будешь, летать — никогда. Перебит позвоночник, угрожает полный паралич. Но даже обещая ему жизнь, врачи кривили душой. Он не мог двигаться, читать, он мог только лежать на спине и думать. Вот он и вспоминал свою недолгую жизнь.

...Летать Афанасьев начал в шестнадцатилетнем возрасте. Потом окончил Оренбургское авиаучилище, стал инструктором. Началась война. Отчаянно рвался на фронт, не отпуская: учи других.

Летом сорок третьего он все же вырвался на фронт — с группой других инструкторов послан на стажировку. Был разгар немецкого наступления на Курскую дуге. Решил: в училище не вернусь. Его чуть было не объявили дезертиром. Потом узнали, что давно воюет, махнул рукой.

Храбрость его изумляла даже видавших виды асов. Несколько раз

его сбивали, тяжело ранили. И каждый раз он возвращался в строй, за штурвал страшных для врага «летающих танков» — штурмовиков «ИЛ-2».

Его наградили двумя орденами. Он стал командиром эскадрильи.

Так, лежа на койке, Афанасьев снова переживал каждый день своей жизни, каждый свой полет. В мыслях он снова вел машину, пикировал на цель. Послуживой, он продолжал быть летчиком.

...Воспоминания изнуляли, как и действительность. И когда Леонид хотел отдохнуть, он погружался в мир звуков. Музыка была второй страстью, такой же сильной, как авиация. С нежностью вспоминал мать — это она передала ему любовь к музыке. Представляла ее руки на клавишах, мысленно «слушал» любимые вещи, первой даже сам «исполнял» их. Печаль Шопена сменяла неистовство Бетховена, раздумья Грига — темперамент Рахманинова.

Иногда в сознании мелькали образы каких-то незнакомых мелодий — то бурных, тревожных, угрожающих, то мягких, напевных. Впрочем, Леониду казалось, что он их где-то слышал. Он не знал еще, что это образы войны рождают его собственную музыку. Так, лежа на госпитальной койке, беспрерывно воюя с болью и беспомощностью, летчик постепенно становился композитором.

Но война продолжалась. И самым главным для Афанасьева оставалось: вернуться в полк.

...Ночью Леонид почувствовал озноб и натянул одеяло до подбородка. Утром потянулся в полусне и вдруг ощутил — руки. Действуют руки! В первый раз за эти месяцы Афанасьев улыбнулся.

В декабре сорок четвертого, оставив костыли за дверью, подбравшись и лихо выпятив грудь, он эдаким чертом шагнул через порог медкомиссии. Мистификация, однако, не удалась.

— А ну-ка присяди! — скомандовали ему.

— Какое там приседание, ведь упадет! — не выдержал кто-то.

В чаше все же съездили разрезать — за документами и орденами...

Командир полка приказал — от-

дыхай, отбейдайся, живи с нами, хоть до самой победы.

Но разве он вернулся в полк за пайком? На поправку? Гимнастика по многу часов подряд. Тренаж в кабинах полуразобранных самолетов. И вот, наконец, Леонид тайком поднимается в воздух. Потом еще и еще, чаще и чаще. Про полеты узнало командование. Быть бы разному, да началось январское наступление сорок пятого. Вызвали на КП. — Можешь летать? Только честно!

— Могу.

— Тогда получишь машину.

А через несколько дней случилось то, о чем и сегодня нельзя вспоминать без изумления.

Эскадрилья уходила на штурмовку. Леонид, как обычно, сверх меры нагруженный бомбами. Сразу после взлета из мотора хлестнула струя масла — оборвался клапан, за машиной потянулся шлейф дыма.

Внизу — городок. Сажать здесь самолет, груженный бомбами, невозможно. С неработающим мотором он развернулся и стал планировать на аэродром. Увидел — на летном поле растаскивают самолеты, разбегаются люди. Значит, поняли...

Шел на посадку, ожидая взрыва. Вот машина коснулась земли, подпрыгивая, потащила по полю, остановилась. Леонид сидел, ждал. Тишина. Отодвинув фонарь, обернулся. Путь, пройденный по земле, был усеян бомбами с отломанными стабилизаторами, от тряски они сорвались с бомбодержателей и валялись, как кегли, по обе стороны полосы. И ни одна не взорвалась.

Оцепенение проходило, навалилась слабость. А к самолету с опаской приближались люди. Чудо произошло на их глазах, но они все еще не могли в него поверить. Они, удивить которых было почти невозможно...

Вновь командовал Леонид эскадрилей, «ходил» на штурмовки, бил врага, в общем, воевал. Чехословакия, Австрия, Германия. Второй орден Красного Знамени и орден Александра Невского, врученный ему в последние недели войны.

И СРАЗУ же — демобилизация.

Врачи категорически заявили: с авиацией покончено. То, что давалось нечеловеческим напряжением,

то, на что закрывали глаза в военное время, не могло стать нормой повседневной жизни.

Из маленького чешского городка у подножия Татр он ехал домой, в Казахстан. За окном лежала разоренная страна, в тощем чехословацком — пачка медицинских свидетельств, каждого из которых хватило бы на две инвалидности. Но он не собирался сдаваться.

Осенью сорок шестого бывший летчик стал студентом Алма-Атинской консерватории.

Напряженная учеба и снова госпиталь. Опять консерватория и еще раз клиника.

Дипломная работа — концерт для скрипки с оркестром — исполнялся в Москве, в Большом зале консерватории.

Когда смолкла музыка, его вытолкнули в проход, и он неуверенно пошел вперед, к бесконечно далекому и почему-то расплывавшемуся в глазах оркестру. И грохот аплодисментов провожал его, растерянно, еще не верившего, что еще раз он пришел к своей большой победе. За этот концерт Леонид Викторович Афанасьев был удостоен Государственной премии. Потом была аспирантура в Москве, в классе Арама Хачатуряна, и снова работа, работа, работа.

Он делил время между роялем, делами в Союзе композиторов и партийной работой, он выступал в концертах, писал песни, музыку к фильмам и увлекался водными лыжами. Многие, очень многие успевали этот высокий спокойный человек. А если израненное тело порой напоминало о войне, то об этом знал лишь он один.

...Этой зимой мы были за городом. Раскрасневшийся, запорошенный снегом Леонид с гиканьем мчался с горы на лыжах. Глаза блестели, весь он светился от радости. А я думал о его жизнелюбии, победившем страдания.

Многое у него впереди, у этого сорокачетырехлетнего композитора. Сколько еще будет музыки — искрящейся и печальной, нежной и героической. Такой, как его последнее произведение.

...Музыка заполняет зал: звучит симфония «Друзьям-однопольчанам». Она рассказывает о мужестве и братстве, о небе и подвиге. Музыка, сложенная всей жизнью Леонида Афанасьева.